

ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПОВОЛЖСКОМ, КАВКАЗСКОМ И КРЫМСКОМ РЕГИОНАХ СССР (1941–1944 гг.)

© Синицын Фёдор Леонидович

кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН.

✉ permcavt@gmail.com

В статье анализируются основные аспекты депортаций народов СССР из Поволжского, Кавказского и Крымского регионов, реализованных в период Великой Отечественной войны. Рассматриваются официальное обоснование и ход депортации немцев Поволжья, карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей и ряда других народов Советского Союза. Автор выявил причины депортаций народов, а также их последствия, как краткосрочные, так и долгосрочные. Особое внимание уделено такому аспекту как дестабилизация этнической обстановки в Поволжском, Кавказском и Крымском регионах, причиной которой стали депортации народов.

Ключевые слова: депортации народов, национальная политика СССР, национальные отношения в СССР, Великая Отечественная война.

Отдельным эпизодом национальной политики и национальных отношений в СССР являются депортации народов, процесс которых начался ещё до Великой Отечественной войны. В 1936–1937 гг. с целью «очищения» приграничной полосы СССР было проведено выселение польских и немецких хозяйств из УССР, этнических корейцев с Дальнего Востока, в 1939–1941 гг. – депортация поляков – «осадников», а также членов семей «контрреволюционного и националистического элемента» с территории Западной Украины и Западной Белоруссии. 14 мая 1941 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о выселении «социально чуждого элемента» из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии (в том числе бывших жандармов, членов «контрреволюционных организаций», крупных помещиков, торговцев и пр.), на основании которого в мае–июне 1941 г. с этих территорий было выселено 85 716 чел. [10, ф. 9479, оп. 1, д. 87, л. 1]. Также в Германию в «добровольно-принудительном порядке» было репатриировано немецкое население территорий, вошедших в состав СССР в 1939–40 гг.

Первой жертвой депортаций военного времени в СССР стали этнические немцы,

большинство которых проживало в АССР Немцев Поволжья (АССРНП), Саратовской, Сталинградской областях и других регионах европейской части СССР. В первые дни войны немцы Поволжья вместе с другими народами страны «ковали» победу над врагом, а некоторые из них (П. Миллер, М. Гаккель, Р. Клейн) стали Героями Советского Союза [7, с. 35–36]. Обком ВКП(б) проводил митинги, на которых представители советских немцев выступали с патриотическими обращениями. Обком АССРНП сообщал, что «с каждым днём растёт патриотизм трудящихся масс» [15, ф. 17, оп. 88, д. 70, л. 5, 8]. 15 июля 1941 г. газета «Правда» писала: «В дни Отечественной войны трудящиеся республики Немцев Поволжья живут едиными чувствами со всем советским народом... Тысячи трудящихся республики с оружием в руках пошли бороться против бешеного германского фашизма». Однако с самого начала война проявилась тенденция рассматривать советских немцев как нелояльный контингент. Несмотря на то, что от населения АССРНП поступило 2500 заявлений с просьбой отправить добровольцами на фронт [15, ф. 17, оп. 88, д. 70, л. 9], военкоматы отказали немцам Поволжья в призыве, что вызвало открытое недовольство среди молодёжи АССРНП [3, с. 309].

В июле 1941 г. советское руководство принимает решение о депортации советских немцев. Основанием для этой меры послужили как умозрительные опасения о возможном массовом переходе советских немцев на сторону врага, так и донесения с фронтов о фактах предательства со стороны местного немецкого населения. В конце июля 1941 г., в ходе негласного визита в АССРНП Л. П. Берии и В. М. Молотова, была проведена подготовительная работа по депортации. Сама операция была отложена на конец лета, очевидно, из-за необходимости дожидаться уборки урожая [14, с. 105–106]. 26 августа 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) официально приняло решение о депортации немцев Поволжья [15, ф. 17, оп. 3, д. 1042, л. 2]. 28 августа 1941 г. был издан соответствующий Указ Президиума ВС СССР, в котором говорилось, что среди немецкого населения Поволжья «имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья». Немецкое население обвинялось в том, что оно не сообщало «о наличии такого большого количества диверсантов и шпионов» и, следовательно, скрывало их в своей среде. С целью предотвращения принятия «карательных мер против всего немецкого населения Поволжья», было решено переселить его в Новосибирскую, Омскую области, Алтайский край, Казахскую ССР и другие районы страны. При этом выселение проводилось не целыми колхозами, а в уже существующие колхозы группами хозяйств, что, очевидно, преследовало цель распыления советских немцев среди других народов. 8 сентября 1941 г. вышло распоряжение ГКО об изъятии немцев из армии, на основании которого в 1942–1945 гг. была проведена демобилизация всех военнослужащих немецкой национальности (всего 33 516 чел.) [15, с. 310–311]. 5 сентября 1941 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья», которая была поделена между Саратовской и Сталинградской областями.

В течение августа–октября 1941 г. были приняты решения о депортации немцев из Москвы и Московской области, Ростовской области, Краснодарского края, Орджоникидзевского края, Тульской области, Кабардино-Балкарской АССР, Северо-Осетинской АССР, Запорожской области, Сталинской области, Ворошиловградской области, Воронежской области, Грузинской ССР, Азербайджанской ССР, Армянской ССР, Дагестанской АССР и Чечено-Ингушской АССР. НКВД СССР рапортовал, что к 25 декабря 1941 г. было депортировано 856 168 чел. немецкой национальности, в том числе из бывшей АССРНП

– 446 480 чел., из Саратовской области – 46 706 чел., из Сталинградской области – 26 345 чел. [10, ф. 9479, оп. 1, д. 83, л. 49, 45]. Однако на самом деле, выселение затянулось до февраля–марта 1942 г. [4, с. 33].

29 августа 1941 г. было принято решение о переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 тыс. чел. Операцию полностью завершить не удалось, так как железнодорожное сообщение с Ленинградом было прервано. В результате было выселено 2,5 тыс. финнов (и ещё 9 тыс. в марте 1943 г. из кольца блокады) [3, с. 312]. 3 апреля 1942 г. ГКО принял решение об изъятии из армии лиц финской национальности и направлении их в рабочие колонны НКВД. В дополнение, в 1941–1942 гг. была проведена депортация «иностранных подданных и лиц, признанных социально-опасными», а также лиц немецкой и румынской национальности, крымских татар и греков с территории Краснодарского края и Ростовской области [15, ф. 644, оп. 1, д. 36, л. 170].

1 сентября 1941 г. в составе НКВД СССР был создан Отдел спецпереселений, которому ставилась задача разработки и реализации мероприятий по переселению жителей СССР немецкой национальности в глубинные районы страны. Депортированные получили статус «спецпереселенцев», согласно которому они были обязаны строго соблюдать установленный для них режим и подчиняться распоряжениям спецкомендатуры НКВД, не имели права без разрешения НКВД отлучаться за пределы района расселения (самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла уголовную ответственность). Все трудоспособные спецпереселенцы были обязаны заниматься общественно полезным трудом. На основании постановлений ГКО от 10 января 1942 г. и 14 февраля 1942 г. все немцы-переселенцы мужского пола в возрасте от 17 до 50 лет, годные к физическому труду, были мобилизованы в рабочие колонны НКВД и НКПС. С 7 октября 1942 г. мобилизации в рабочие колонны на всё время войны дополнительно подлежали немцы мужчины в возрасте 15–16 лет и 51–55 лет включительно, годные к физическому труду, а также женщины в возрасте 16–45 лет включительно, кроме беременных и женщин, имевших детей в возрасте до 3-х лет. Мобилизованные были отправлены на предприятия Наркомугля и Наркомнефти. За неявку на сборный пункт или самовольное оставление работы была установлена уголовная ответственность. Положение депортированных немцев усугублялось самой их национальной принадлежностью. Слово «немец» уже с начала войны приобрело негативный, ругатель-

ный оттенок. Клич «Убей немца!», брошенный *И. Эренбургом*, кое-кем переносился на депортированных немцев [6, с. 57].

Таким образом, депортации народов в период с июня 1941 г. по июнь 1942 г., с моральной и политической точки зрения, являлись «наказанием» народов, титульных для стран-агрессоров. Со стратегической точки зрения, депортации преследовали превентивную цель – предотвращение массового перехода граждан немецкой, финской и других национальностей на сторону врага, организации ими восстаний в тылу и пр. Действительно, в странах Европы этнические немцы в планах гитлеровцев играли роль «пятой колонны». Они были хорошо организованы, нацистская партия вела среди них усиленную националистическую пропаганду [16, с. 389]. Однако по объективным причинам гитлеровцы физически не могли вести такую деятельность на территории СССР. Хотя на оккупированной территории СССР часть местного немецкого населения приняла от оккупантов статус «фольксдойче», возможность поголовного перехода советских немцев на сторону гитлеровцев была маловероятной.

В конце 1943 г., после освобождения территории Северного Кавказа, в СССР начался новый виток депортаций народов. Положение в Северокавказском регионе было тяжёлым ещё до начала войны, особенно на территории ЧИАССР, многочисленными были проявления антисоветского повстанческого движения.

С целью борьбы с разросшимся после оккупации повстанческим движением, в апреле 1943 г. из Карачаевской АО было выселено 673 члена семей «бандглаварей и активных бандитов» [4, с. 62]. Однако этой меры советскому руководству показалось недостаточно. 12 октября 1943 г. был издан Указ Президиума ВС СССР и 14 октября 1943 г. – Постановление СНК СССР о выселении всех карачаевцев в Казахскую и Киргизскую ССР. Эта мера была обоснована тем, что «в период оккупации...многие карачаевцы вели себя предательски...а после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти врагов и заброшенных немцами агентов, оказывают им помощь». 27 декабря 1943 г. Карачаевская АО была ликвидирована, а её территория была поделена между Краснодарским, Ставропольским краями и Грузинской ССР. Всего было депортировано 59 506 карачаевцев [10, ф. 9478, оп. 1, д. 63, л. 65], а также 2 543 карачаевца было демобилизовано из армии [14, с. 118].

В декабре 1943 г. Президиум ВС СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) приняли решение «о ликвидации Калмыцкой АССР и об-

разовании Астраханской области в составе РСФСР». Калмыки (в том числе из сопредельных с Калмыцкой АССР регионов) подлежали депортации в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. Основанием для депортации было обвинение калмыков в сотрудничестве с гитлеровцами: факты сдачи в плен воинов 110-й калмыцкой кавалерийской дивизии, а также проявления бандитизма и предательства среди калмыцкого населения. Однако, когда гитлеровцы оккупировали 5 улусов Калмыцкой АССР из 13, из оккупированной части Калмыкии в неоккупированные улусы и за Волгу ушли 25 тыс. калмыков (26% калмыцкого населения республики) [15, ф. 69, оп. 1, д. 391, л. 23–24]. Таким образом, поголовного предательства калмыков быть не могло.

Некоторые исследователи видят причину депортации калмыков в «давней неприязни» *И. В. Сталина* к калмыцкому народу [8, с. 33], апеллируя к его словам, сказанным в апреле 1923 г.: «Стоит допустить маленькую ошибку в отношении маленькой области калмыков, которые связаны с Тибетом и Китаем, и это отзовется гораздо хуже на нашей работе, чем ошибка в отношении Украины». На наш взгляд, отрицательного отношения к калмыцкому народу здесь не прослеживается. Мало того, эти слова были сказаны *Сталиным*, чтобы подчеркнуть, что «восточные народы... важны для революции прежде всего» [19, с. 277–278].

В то же время следует согласиться с мнением о скоропалительности и спонтанности решения о депортации калмыков. За две с небольшим недели до их выселения (8 декабря 1943 г.) было принято специальное постановление правительства, имевшее противоположное назначение, – о выделении средств для восстановления Калмыцкой АССР и оказания помощи калмыцкому народу [2, с. 59]. Депортация вызвала горькое непонимание со стороны самого калмыцкого населения. В январе 1944 г. бывший зампреда СНК Калмыцкой АССР *Д. Гахаев* писал *И. Сталину* о том, что «абсолютное большинство сознательной части калмыцкого народа предано советской власти», поэтому «непонятно, почему Вы решили выселить всех калмыков, включая невинных... Разве нельзя было выселить и послать на принудительную работу 10–15 тысяч виновных?» [18, с. 420–421]. На 3 января 1944 г. было депортировано 93 139 калмыков, а также арестовано 750 чел. из числа «бандпособников, пособников оккупантов, антисоветских элементов» [10, ф. 9401, оп. 2, д. 64, л. 1]. 4 105 калмыков было «изъято» из армии [14, с. 120–121].

7 марта 1944 г. Президиум ВС СССР издал указ «О ликвидации Чечено-Ингушской

АССР и об административном устройстве её территории», на основании которого был образован Грозненский округ (с 22 марта 1944 г. – Грозненская область). Решение о депортации чеченцев и ингушей было принято советским руководством задолго до издания официального указа. В декабре 1943 г. были начаты подготовительные работы по депортации [10, ф. 9479, оп. 1, д. 182, л. 3–4]. 20 февраля 1944 г. в Грозный приехал *Л. П. Берия*, который 22 февраля 1944 г. встретился с руководством республики и высшими духовными лидерами, предупредил их об операции, намеченной на раннее утро 23 февраля 1944 г., и предложил провести необходимую работу среди населения. В результате было выселено 520 055 чеченцев и ингушей, а также арестовано 2 016 чел. [10, ф. 9478, оп. 1, д. 63, л. 81; ф. 9401, оп. 2, д. 64, л. 161]. Во время депортации некоторые жители высокогорных аулов ЧИАССР смогли ускользнуть из сетей НКВД. Их поимка продолжалась до лета 1944 г., а отдельные повстанческие вылазки в горах Чечни, Ингушетии и восточной Осетии продолжались вплоть до 1947 г.

29 апреля 1944 г. в районах ЧИАССР, отошедших к Северо-Осетинской АССР, ингушские названия районов были заменены осетинскими [14, с. 122]. 19 июня 1944 г. Грозненский обком ЦК ВКП(б) принял решение о переименовании районов и районных центров и других населённых пунктов области (чеченские и ингушские названия были заменены русскими). На территорию бывшей ЧИАССР были переселены мигранты – русские, украинцы, аварцы, даргинцы и осетины. В январе 1945 г. председатель СНК Дагестанской АССР *А. Даниялов* в докладной записке сообщил, что присоединение к ДАССР 6 районов бывшей ЧИАССР «было воспринято народами Дагестана как мероприятие, имеющее большое значение для... республики», так как это позволило решить проблему малоземелья и перенаселённости в горах ДАССР. При этом желающих переселиться оказалось в несколько раз больше, чем нужно [10, ф. 327, оп. 1, д. 4, л. 19–21]. Северо-Осетинский обком сообщил *Сталину* 20 июня 1944 г., что республикой «быстро осваиваются новые районы», отошедшие от бывшей ЧИАССР [15, ф. 17, оп. 121, д. 322, л. 71]. Однако в целом на территорию бывшей Чечено-Ингушской АССР удалось переселить только 40% от числа депортированных.

В Кабардино-Балкарии в 1942–1943 гг. за антисоветскую деятельность было арестовано 1227 чел. [10, ф. 9401, оп. 2, д. 64, л. 163]. Планы по депортации балкарского народа в наказание за «предательство» и «неспособность защитить Эльбрус» родились у *Л. П. Берия* в январе 1944 г. [5, с. 142]. 2 марта 1944 г. *Л. П. Берия* во

время визита в Нальчик сообщил главе КБАССР *З. Д. Кумехову* (кабардинец по национальности) о намерении выселить балкарцев, а их земли передать Грузии, чтобы та могла иметь «оборонительный рубеж» на северных склонах Северного Кавказа. Территориальные потери Кабарде предполагалось «компенсировать» землями Карачая и Черкесии [14, с. 125]. Очевидно, такой «оборонительный рубеж» предполагался на случай новой войны, если бы враг вновь приблизился к Кавказу с севера.

8 апреля 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиум ВС СССР приняли решение «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР». Территория КБАССР, прилегающая к Эльбрусу, была передана Грузинской ССР. Земли балкарцев были переданы малоземельным колхозам Кабарды. 8–9 марта 1944 г. была проведена операция по выселению, в рамках которой было депортировано 44 415 балкарцев [10, ф. 9478, оп. 1, д. 63, л. 81]. В мае–июне 1944 г. тучи стугнулись и над кабардинцами: 20 мая 1944 г. *Л. П. Берия* запросил у *И. В. Сталина* решение выселить из Кабарды 2 467 «немецких ставленников и предателей» [10, ф. 9401, оп. 2, д. 65, л. 121]. В подкрепление недоверия к кабардинцам, *Л. П. Берия* предоставлял *И. В. Сталину* информацию о заброске на Кавказ гитлеровцами агентов из числа кабардинцев в июле–августе 1944 г. [10, ф. 9401, оп. 2, д. 66, л. 123, 132]. Однако тотальной депортации кабардинского народа не последовало.

Как уже говорилось, коллаборационизм был весьма распространён среди крымско-татарского населения. В период оккупации Крыма, оккупанты совместно с коллаборационистами уничтожили около 92 тыс. чел. из числа местного населения (10% населения Крымской АССР). Хотя на начало 1944 г. среди 3 800 партизан Крыма было много крымских татар, отмечалось, что большинство из них – бывшие полицейские, перешедшие к партизанам лишь за несколько дней до прихода Красной Армии [10, ф. 9401, оп. 2, д. 64, л. 321]. В то время как в материалах ЦШПД говорилось, что «разговоры о том, что крымские татары – враги Советской власти» – это клевета [15, ф. 625, оп. 1, д. 12, л. 88об], к апрелю 1944 г. руководство Крымского обкома ВКП(б) прямо обвиняло крымско-татарский народ «в пособничестве немцам» [10, ф. 9401, оп. 2, д. 64, л. 258а–258б], а в других документах отмечалось, что крымские татары «не приветствуют возвращение Красной Армии» [10, ф. 9401, оп. 2, д. 64, л. 320].

2 апреля и 11 мая 1944 г. ГКО издал постановления о выселении крымских татар из

Крымской АССР в Узбекскую ССР, 29 мая 1944 г. – из Краснодарского края и Ростовской области в Марийскую АССР, Горьковскую, Ивановскую, Костромскую, Молотовскую и Свердловскую области РСФСР. Операция по депортации крымских татар была проведена с 18 по 21 мая 1944 г. 2 июня 1944 г. *Л. П. Берия* предложил *И. В. Сталину* выселить с территории Крымской АССР проживавших там болгар, греков и армян. В итоге на 4 июля 1944 г. из Крыма было выселено 183 155 крымских татар, 12 422 болгар, 15 040 греков, 9 621 армян, 1 119 немцев, 3 652 «иноподданных», а также «изъято» 7 833 чел. «антисоветского элемента» [10, ф. 9401, оп. 2, д. 65, л. 275]. 12 декабря 1944 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в Крыму были переименованы 8 райцентров и районов с татарскими и 3 – с немецкими названиями [10, ф. 17, оп. 3, д. 1051, л. 52–53]. Пропаганда предпринимала усилия, чтобы доказать, что «русские владели Крымом» со времен Киевской Руси [13, с. 4].

31 июля 1944 г. ГКО издал постановление «О выселении из пограничной полосы Грузинской ССР турок, курдов и хемшинов» (в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР). В качестве причин этой меры были указаны «связь населения родственными отношениями с жителями Турции, проявление эмиграционных настроений, занятие контрабандой, шпионаж» [10, ф. 9401, оп. 2, д. 66, л. 19]. С 20 сентября по 15 ноября 1944 г. было депортировано 91 095 представителей этих этнических групп, а на их место заселено 70 тыс. хозяйств из малоземельных районов Грузии [10, ф. 9401, оп. 2, д. 67, л. 399–400].

Итого за годы Великой Отечественной войны с исконных мест проживания в СССР было переселено: немцев – 949 829 чел., чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев – 608 749 чел., калмыков – 91 919 чел., крымских татар, болгар, греков и армян – 228 392 чел., турок-месхетинцев, курдов и хемшинов – 94 955 чел., «немецких пособников» и фольксдойче – 5 914 чел. В последние годы войны и после неё было депортировано: членов семей оуновцев – 100 310 чел. (1944–1947 гг.), членов секты «Истинно-православные христиане» – 1 502 чел. (1945 г.), членов семей повстанцев из Литвы – 49 331 чел. (1945–1948 гг.) [10, ф. 9479, оп. 1, д. 573, л. 286].

Положение депортированных («спецпереселенцев») на новых местах проживания было тяжёлым. Депортация привела к резкому росту смертности среди репрессированных народов: в 1944–1946 гг. умерло 23,7% чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, 19,6% крымских татар, греков, болгар и армян, 17,4% калмыков, 14,6% турок-месхетинцев, курдов и хемшинов [10, ф. 9479, оп. 1, д. 573, л. 291].

Население районов, в которые осуществлялось выселение, в частности Казахской ССР, первоначально относилось с пониманием значимости этой меры в целях «внутренней безопасности в условиях военного времени» [10, ф. 9479, оп. 1, д. 183, л. 1]. В то же время, в ряде регионов отмечалось грубое отношение к депортированным, недоверие, оскорбления в их адрес, отказ в предоставлении необходимой помощи, хотя «основная масса депортированных работала добросовестно» [15, ф. 17, оп. 88, д. 300, л. 40]. Закономерно, что со стороны самих депортированных распространённым явлением были отрицательное отношение к депортации, антирусские и антисоветские и повстанческие настроения, тенденции к бегству, переходу на нелегальное положение [10, ф. 9479, оп. 1, д. 170, л. 43–44; д. 169, л. 106]. Советское руководство опасалось возобновления повстанческой активности среди депортированных народов. НКВД Казахской ССР издало для служебного пользования ориентировку по бандповстанческому движению на Северном Кавказе «Кавказские орлы» [12]. Среди депортированных велась агентурная работа с целью предотвращения повстанческих выступлений [10, ф. 9479, оп. 1, д. 169, 170]. Уже к июню 1944 г. только в Казахстане из числа депортированных было арестовано 204 чел. за «антисоветскую деятельность», бандитизм и «терроризацию местного населения» [10, ф. 9479, оп. 1, д. 183, л. 288].

Среди прочих негативных аспектов депортации народов – массовое задействование для этой цели военнослужащих, техники, железнодорожных составов, которые были нужны на фронте. В акциях по депортации приняли участие 227 212 военнослужащих войск НКВД, а также 98 325 сотрудников органов госбезопасности и милиции [17, с. 338].

Одним из спорных вопросов является причина депортаций народов СССР. Советское руководство официально обосновывало депортацию так (на примере чеченцев и крымских татар): «Многие чеченцы и крымские татары по наущению немецких агентов вступали в организованные немцами добровольческие отряды и вместе с немецкими войсками вели вооружённую борьбу против частей Красной Армии, а также по указке немцев создавали диверсионные банды для борьбы с советской властью в тылу, причём основная масса населения Чечено-Ингушской и Крымской АССР не оказывала противодействия этим предателям Родины» [11, с. 361].

По нашему мнению, депортации народов имели цель возмездия главному противнику и его союзникам в связи с началом войны (этнические немцы, финны и др.), наказания за

«пособничество» врагу во время оккупации (народы Северного Кавказа и Крыма), а также носили военно-стратегический характер.

В отношении последнего аспекта немало важным является «*турецкий фактор*». В среде самих депортированных было широко распространено мнение, что их выселили, «боясь нападения Турции» (чеченцы и ингуши, март 1944 г.), или даже потому, что «Турция начала войну против СССР» (турки-месхетинцы, декабрь 1944 г.) [10, ф. 9479, оп. 1, д. 183, л. 30б; д. 184, л. 228]. Заключённый 18 июня 1941 г. договор о ненападении между Турцией и Германией способствовал достижению Турцией её основной внешнеполитической цели – сохранению положения вне войны [9, с. 184, 189, 196]. 25 июня 1941 г. Турция объявила нейтралитет в советско-германской войне. Однако её политика на начальном этапе войны определялась не столько договорами и обязательствами, сколько положением на советско-германском фронте. Уже в сентябре 1941 г. Германию посетил один из лидеров пантюркистского движения генерал *К. Нури-Паша*, который неофициально информировал гитлеровское руководство о притязаниях Турции на Кавказ, Крым, Среднюю Азию, а также Ирак, Иран и Сирию [10, ф. 9401, оп. 2, д. 99, л. 19/41]. В 1942 г. Германии практически удалось склонить Турцию на свою сторону. В августе 1942 г. руководители Турции информировали Берлин о своей заинтересованности в судьбе ряда советских территорий и о своём желании принять участие в решении этого вопроса. Турция сосредоточила у границ СССР 26 дивизий.

Однако в сентябре 1942 г. турецкое правительство стало высказывать разочарование ходом боёв на Северном Кавказе и под Сталинградом [1, с. 56]. Президент Турции *М. И. Инёню*, открывая 1 ноября 1942 г. заседание меджлиса, заявил, что Турция будет по-прежнему соблюдать строгий нейтралитет. Хотя позиция правящих кругов Турции до конца ноября 1942 г. ещё вызывала у советского правительства серьёзные опасения, после разгрома гитлеровцев под Сталинградом вопрос о вступлении Турции в войну на стороне Германии более не поднимался [1, с. 58, 64–65]. В первой половине 1943 г. нейтралитет Турции медленно стал склоняться в пользу союзников. Весной и летом 1944 г. правящие круги Турции пытались всеми мерами продемонстрировать лояльность в отношении СССР. Таким образом, в период депортаций народов Кавказа и Крыма угроза вступления Турции в войну на стороне Германии более не была актуальна и не могла быть прямой причиной принятия решений о депортациях.

Однако депортация ряда народов могла быть обусловлена не только прямой, но и любой другой гипотетической угрозой стране с южного направления, так как *советское руководство могло считать некоторые национальные группы врожденно нелояльными к СССР*. Поэтому советское правительство депортировало население, которому оно не доверяло, с границы и стратегических зон СССР, что способствовало подавлению повстанческого движения на этих территориях и свело на нет гипотетическую возможность шпионажа и саботажа в среде этого населения. По нашему мнению, извлечение экономической пользы из депортаций народов очевидно (направление депортированных в «трудовые колонны» и пр.), но оно не могло быть основной причиной осуществления депортаций.

Депортации народов внесли нестабильность в национальные отношения в СССР, породив среди массы населения Советского Союза слухи о возможной депортации других народов, в частности карелов и эстонцев [15, ф. 17, оп. 121, д. 292, л. 1–2; ф. 598, оп. 1, д. 2, л. 20]. К таким же слухам, скорее всего, следует отнести сведения о готовившейся депортации украинцев, о чём на XX съезде КПСС говорил *Н. С. Хрущёв*. В Киргизии ходили слухи, что взамен ввезённых на территорию республики депортированных всё «европейское» население Киргизии переселят на Кавказ [10, ф. 9479, оп. 1, д. 170, л. 11–12].

Последствием депортации народов было не только их физическое переселение на другие места проживания, но и распыление среди коренного населения Казахстана, Средней Азии, Сибири и других регионов, ликвидация национально-территориальных образований, стирание этнонимов, передача исконных мест проживания депортированных народов другим народам для заселения и хозяйственного освоения. Перекраивание этнической и административной карты страны привело к негативным последствиям, имеющим непосредственное значение до сих пор (осетино-ингушский конфликт, крымско-татарская, турко-месхетинская и другие проблемы).

Библиографический список

- 1. Безугольный А. Ю.** Ни войны, ни мира: Положение на советско-турецкой границе и меры советского руководства по предотвращению турецкой угрозы в первый период Великой Отечественной войны [Текст] // Военно-исторический архив. – 2003. – № 5.
- 2. Бердинских В. А.** Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России

[Текст]. – Киров: КОГУП, 2003. – ISBN 5-88186-489-1.

3. **Бугай Н. Ф.** Депортации народов [Текст] // Война и общество, 1941–1945. – Кн. 2. – М.: Наука, 2004. – ISBN 5-02-009849-3.

4. **Бугай Н. Ф.** Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию» [Текст]. – М.: АИРО-XX, 1995. – ISBN 5-88735-019-9.

5. **Бугай Н. Ф.** Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы) [Текст] / Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. – М.: ИНСАН, 1998. – ISBN 5-85840-295-X.

6. **Вашкау Н. Э.** Российские немцы в «Трудах армии» [Текст] / Н. Э. Вашкау, Е. А. Алексеева // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. – М.: Памятники исторической мысли, 1997. – ISBN 5-88451-045-4.

7. **Верт Н.** История Советского государства [Текст]. – М.: Инфра-М, 1998. – ISBN 5-86225-789-6.

8. **Вылцан М. А.** Депортация народов в годы Великой Отечественной войны [Текст] // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 3.

9. **Галиакбарова Н. М.** Советско-турецкие отношения в 1939–1941 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15. – Екатеринбург, 2006.

10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

11. Заседания Верховного Совета РСФСР. 20–25 июня 1946 г. 7 сессия [Текст]. – М., 1946.

12. Кавказские орлы: обзор материалов о банддвижении на территории бывшей ЧИАССР [Текст]. – М.: Библиотека журнала «Шпион», 1993. (репринтное издание).

13. **Надинский П.** Русские в Крыму [Текст] // Красный Крым. – 1944. – 9 декабря.

14. **Полян П.** Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР [Текст]. – М.: О.Г.И.–Мемориал, 2001. – ISBN 5-94282-007-4.

15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

16. **Семиряга М. И.** Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны [Текст]. – М.: РОССПЭН, 2000. – ISBN: 5-8243-0070-4.

17. **Сидоренко В. П.** Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны [Текст]. – СПб: Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2000.

18. Советская повседневность и массовое сознание, 1939–1945 [Текст]. – М.: РОССПЭН, 2003. – ISBN 5-8243-0435-1.

19. **Сталин И. В.** Сочинения [Текст]: т. 5. – М.: ОГИЗ–Госполитиздат, 1947.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Файл Правка Вид Избранное Сервис Справка

Назад Поиск Папки

Максимов А. А. Анализ и синтез нечётких дискретных систем. Исследование алгебраических свойств нечётких автоматов, нечётких матриц и нечётких графов. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. – 144 с. – ISBN 978-3-8433-1467-1.

В монографии представлены результаты исследований автора в области разработки математических моделей некоторых дискретных систем: нечётких матриц, нечётких автоматов и нечётких графов.

Осуществлена разработка понятийного и методологического аппарата, позволяющего использовать методы теории конечных детерминированных автоматов при изучении автоматов нечётких. Введенные автором понятия и доказанные результаты сопровождаются многочисленными примерами.

Относительно нечётких матриц и некоторых видов графов (неориентированных, бесконтурных, функциональных и др.) получены новые оценки их индексов и периодов.

Данные результаты позволяют решать задачи управления поведением, задачи синхронизации и диагностирования нечетких автоматов. Некоторые полученные результаты проиллюстрированы на модельном примере из области биомедицины, связанном с оценкой степени совместимости и эффективности применяемых лекарственных средств.

Материалы исследования будут полезны как научным работникам и аспирантам, студентам старших курсов математических специальностей, так и специалистам из прикладных областей.

